

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

© 2025

УДК: 338.2

Олег Сухарев

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН (г. Москва, Российская Федерация),
профессор кафедры теории и методологии государственного и
муниципального управления факультета государственного управления Московского
государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Российская Федерация)
(e-mail: o_sukharev@list.ru)

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ И СТРУКТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ: НЕРЕШЕННЫЕ ЗАДАЧИ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

В статье рассматривается проблема организации новой модели экономического роста в России с оценкой структурной трансформации. Экономический рост 2023–2024 гг. показал увеличение вклада в динамику компоненты инвестиционных расходов, что создает хорошую предпосылку для изменения модели структурной динамики роста ВВП. Вместе с тем, хозяйственная структура подвержена незначительной трансформации либо таковая отсутствует. Вопрос связи темпа роста и структурных изменений можно считать не решенным ни в теории, ни на практике. **Цель исследования** — провести структурный анализ экономического роста в России в период 2000–2023 гг. с выявлением базовых изменений в структуре секторов, компонент ВВП, для того чтобы актуализировать нерешенные задачи теоретического и прикладного назначения и обозначить подход к их разрешению в рамках связи роста и структуры. **Методологию исследования** составляет современная теория экономического роста и структурной динамики, элементы структурного, регрессионного и эмпирического анализа. Информационную базу статьи составили данные Росстата. **Результатом** работы можно считать подтвержденные в ходе анализа положения о том, что экономический рост в России не был детерминирован структурными изменениями хозяйственной базы, т.е. соотношениями между секторами средств производства и предметов потребления, а также транзакционным, обрабатывающим и сырьевым секторами.

Рост тормозился доминированием финансового сектора, непропорциональным увеличением инвестиций в финансовые активы относительно аналогичного показателя в нефинансовые активы. Структурная динамика ВВП также подтверждает, что инвестиционная модель роста возникла только в 2023 г., так как валовое накопление именно в этот год обеспечило наибольший вклад в темп роста относительно иных компонент валового продукта. **Общий вывод** сводится к тому, что условия для фиксации инвестиционной модели роста, при доминировании транзакционного сектора и сжатом развитии средств производства, при проведении жесткой монетарной политики могут не сохраниться, не сложиться, так как отсутствуют плановые мероприятия по структурной политике, которые призваны влиять на сложившиеся пропорции и динамику элементов системы. Именно эти аспекты должны составить перспективу для планирования и решения нерешенных государственных задач.

Ключевые слова: экономический рост, трансформация экономики, структура, средства производства, предметы потребления, финансовый сектор.

DOI: 10.31857/S0207367625010014

Введение. Для российской экономики несколько десятилетий сохраняет актуальность проблема организации модели экономического роста [1–3]. Ортодоксальные теории экономического роста [7, 9, 12] и их российские адепты не смогли предложить действенных инструментов, стимулирующих экономический рост.

Вместе с тем, подлинная структурная теория экономического роста была в общих чертах разработана именно в России в период 2000–2024 гг. [5, 11], найдя различные варианты апробации и формулировки предложений по стимулированию роста. Однако они отвергались неоклассической экономической школой [7, 12], не включавшей в свои модели¹ структурные, институциональные [13] и по большому счету даже технологические факторы.

Под структурой экономики в исследовании понимается совокупность секторов или видов экономической деятельности, хозяйственные секторальные пропорции, соотношение элементов (отраслей), а также компонентов валового внутреннего продукта – по расходам (структура ВВП – валовое потребление, инвестиционные и государственные расходы, чистый экспорт). Структурные факторы, влияющие на рост, представляют собой влияние элементов выделяемой и рассматриваемой в исследовании структуры на динамику ВВП. Складывающиеся секторальные (отраслевые) и иные пропорции могут исполнять роль тормоза для экономического роста. В таком случае можно говорить о структурных ограничениях. В частности, доминирование какого-либо сектора может противодействовать увеличению вклада в темп роста других секторов. Вводимые правила и их соотношение тоже могут играть как ограничивающую, так и стимулирующую роль в отношении роста.

Особенное значение имеют для роста структурные ограничения, преодолеть которые весьма сложно, как и включить их в существующие модели экономического роста, что справедливо отмечает Ф. Гобардо с соавторами [20]. Развитие на высоких скоростях делает институциональные модификации релевантным фактором и роста, и политики [9, 24], чего не было еще, скажем, 50–70 лет назад. Причем трансформация происходит весьма быстро, порождая ядро изменений и периферию, модифицируя связи (качество), оставляя саму структуру в виде пропорции без изменения на какой-то, пусть и непродолжительный, период времени. Сдвиги в финансовой структуре, подчиняясь собственной логике функционирования этой сферы, способны сильно повлиять на рост, как и появление новых высокотехнологичных секторов экономики [19, 21]. В отдельных работах изучается влияние структурных изменений на экономический рост по вводимому индексу эффективности (ESC), но в аспекте стимулирования структурных реформ для повышения производительности и снижения издержек [25]. Однако такого

¹ Разработаны эволюционные модели технологических изменений и роста, существуют также неоклассические модели с технологическим фактором. Они получены в рамках шumpетерианского направления экономического анализа [14–18, 22–23]. Однако их измерение и включение в эти модели оставляет желать лучшего, не дает оценки подлинного влияния на динамику. Статистический учет технологий не позволяет это осуществить, рассматривая технологический фактор как агрегированный фактор, влияющий на рост. Удастся косвенно это сделать по показателю факторной производительности, рассматривая капитал, труд и другие включаемые отдельные факторы. Однако на такие агрегаты влияет сумма условий и вычленив отдельно каждое из них весьма проблематично. Более того, факторные модели роста обычно не рассматривают напрямую инструментов экономической политики. Фактически имеется разделение моделей роста на те, где участвуют факторы (труд, капитал и т.д.) и те, где применяются инструменты (монетарной, бюджетной политики, рассматриваемые как некий импульс, что не вполне корректно и по терминологии, и по природе воздействия инструмента на динамику элементов ВВП и экономики). Имеются даже попытки совместить факторы и инструменты, но такой подход требует применения доктрины «распределенного управления» и является относительно новым, с неясной результативностью, хотя и с высокой адекватностью обоснования.

рода работы, даже по выборке стран и на панельных данных, совсем не принимают во внимание издержки осуществления самой трансформации хозяйственной структуры, масштаба этого процесса и распределенного по всей экономике влияния от такого рода реформ.

В настоящее время появляются различные аналитические работы и выступления, посвященные проблемам трансформации как национальных экономик, так и мирового порядка. Отстаивается такая мысль, будто эти трансформации ведут к новому мировому порядку и что экономический рост в России 2023–2024 гг. уже сопровождается принципиальным изменением хозяйственной структуры. Однако обычно не вскрывается содержания процесса трансформации, не описывается связь его с экономическим ростом и возможность влиять на динамику ВВП. Трансформация в значении преобразования и изменения означает существенные модификации хозяйственных пропорций и качества элементов экономической системы, включая действующие правила (институты). Причем изменению подвергаются различные социально-экономические структуры и объекты, так что говорить о равномерности процесса трансформации или о том, что он идет по различным направлениям экономики с примерно одной скоростью, не приходится. Более того, у него имеется генетическая основа, заложенная в уже сформировавшиеся, исходные хозяйственные пропорции и связи, и телеологическая, обеспечиваемая постановкой целей и задач осуществляемых изменений в рамках системы государственного управления развитием. Нужно отметить, что в СССР и России была создана теория многоуровневой экономики, автором которой является академик Ю.В. Яременко², которая показывала взаимосвязи различных элементов народнохозяйственной структуры. Вместе с тем она не смогла дать всеобъемлющих трактовок происходящих трансформаций —таких, какие происходили в 1990-е годы и далее.

Для успешного функционирования экономики большое значение имеет то, какова исходная структура национального богатства, экономических секторов, в частности средств производства и предметов потребления, что из себя представляет технологическая структура и способствует ли она обновлению технологий, а также какова структура действующих правил и механизмы их изменения и т.п.

Влияние на динамику экономики и ее трансформацию оказывают применяемые инструменты экономической политики. Они способны обеспечить устойчивость экономического развития и изменение пропорций, ориентируясь на достижение поставленных целей и задач. Однако задача одновременного достижения необходимого темпа роста (целевого параметра) и структурной трансформации до сих пор не имела своего решения ни в теории, ни на практике. Идеальным вариантом является ситуация, когда рост может быть обеспечен исключительно структурной трансформацией экономики. Но ведь именно она может быть проведена по-разному. Более того, даже структура ВВП выделяется по расходам, доходам, секторам (в различной компоновке) и видам деятельности, в силу чего и трансформация принимает разные формы, а различные виды структур по-своему связаны друг с другом. Это усложняет решение задачи не только в теории, но и на практике,

---

² См. Яременко Ю.В. Теория и методология исследования многоуровневой экономики. В 3-х томах. М.: Наука, 2000.

при реализации структурной и стандартной (ориентированной на обеспечение роста) макроэкономической политики.

В конце 1980-х годов полемика по поводу ускорения советской экономики и ее перестройки не дала ни выверенных теоретических решений, ни позитивных рекомендаций на уровне экономической политики [1, 2, 4]. Эту задачу можно признать нерешенной до сих пор, поскольку сохраняются структурные и технологические [5] ограничения роста. Присутствует весьма невысокая ясность по поводу того, как их можно преодолеть для повышения темпа экономического роста [3]. Россия, как отмечал К.И. Микульский [8], примерно с 2014–2016 гг. находится в поиске новой модели экономического роста, однако даже по итогам роста 2023–2024 гг. приходится констатировать сохранение ранее существовавших подходов в области экономической политики роста, трансформации российского хозяйства, с укоренением уже сложившейся потребительской модели роста [10]. Это означает, что по влиянию на динамику ВВП наибольшее значение имеет компонента «валовое потребление», а в секторальном измерении (из транзакционного, обрабатывающего и сырьевого секторов) наибольшее влияние на рост оказывает транзакционный сектор (по вкладу в темп роста).

Системные характеристики экономики при формировании текущей политики роста обычно не принимаются во внимание [6], а наличие технологических разрывов, частично сохраняющихся со времени СССР и по целой совокупности направлений углубившихся, не позволяют выйти на новую модель роста. Особый вопрос, сохраняющий свое острое значение, возможно ли в России ускорение роста при осуществлении структурных изменений того или иного масштаба.

Мы не будем останавливаться на различиях в трактовке понятия «трансформация», хотя подчеркнем и отметим подлинное, на наш взгляд, содержание экономической трансформации. Оно сводится к выстраиванию таких пропорций (соотношений) между элементами хозяйственной системы (финансовым и нефинансовым секторами, элементами национального богатства, средствами производства и предметами потребления, видами экономической деятельности, распределением доходов и т.д.), которые позволяют обеспечить устойчивый экономический рост. То есть здесь подразумевается подлинная структурная трансформация экономики, означающая смену и пропорций, и качества связей между элементами (параметрами) экономической системы.

Суммируя сказанное, сведем цель настоящей статьи к конкретизации задачи обеспечения роста и структурной трансформации российской экономики, в разрезе секторов средств производства и предметов потребления, с учетом влияния финансового сектора на экономический рост. Для достижения цели необходимо реализовать две позиции. Во-первых, теоретически обозначить связь роста экономики и ее структурной трансформации. Во-вторых, в ходе анализа секторальной динамики сформулировать на уровне макроэкономической политики задачи, имеющие прикладное значение и полезные для дальнейших теоретических построений. Методологию исследования составляет эволюционная теория экономического роста, структурный и эмпирический анализ роста экономики России.

Перейдем теперь к основной части исследования.

1. Ускорение и структурная трансформация экономики

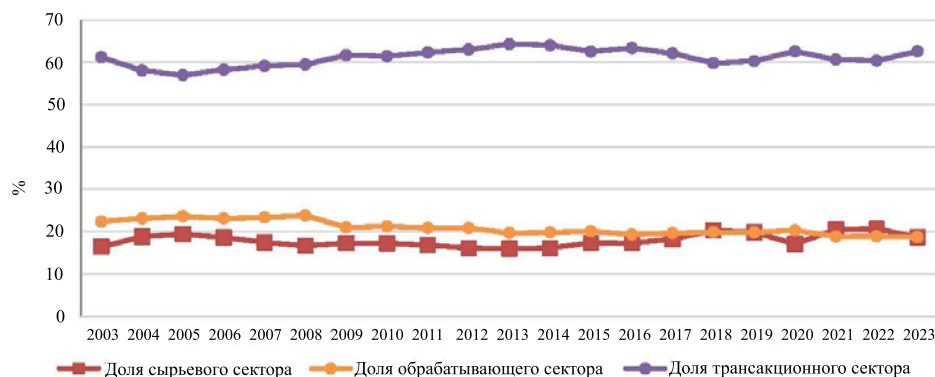
В конце 1980-х годов, когда советская экономика показала снижение темпа роста ВВП, возникла идея ускорения и одновременно перестройки экономики, которая была подчинена задаче повышения темпа роста [1, 4]. Академик А.Г. Аганбегян в своей работе 1990 г. подводил итоги экономической перестройки, а именно — какие уроки не были учтены [4]. Однако отметим, что самый главный урок, на наш взгляд, состоял в том, что теоретически не был проработан вопрос связи темпа роста и структурной трансформации экономики, сценарии таковой не были определены, обоснованы (во всяком случае, формируемые планы их не отражали). На тринадцатую пятилетку были поставлены задачи научно-технологического рывка, развития робототехники, микроэлектроники, вычислительных мощностей, информационно-коммуникационных технологий и др. Можно было выделить две группы экономистов: одни выступали за интенсификацию роста прежними методами планирования и регулирования, для создания базы проведения структурных изменений; другие считали, что без структурных изменений невозможно повысить темп экономического роста советской экономики. В общем-то, и в настоящее время в России обе группы присутствуют. Одни ставят задачу структурных изменений для роста, другие полагают, что можно интенсифицировать рост прежними методами регулирования, например жесткой монетарной политикой и повышением процентной ставки (неоклассический, неолиберальный подход к макроэкономической политике). Либерализация цен 1992 г. и последовавший за ней «трансформационный кризис» опрокинули все задачи тринадцатой пятилетки, а исследователи-экономисты нового поколения даже не сравнивают настоящие достижения с теми показателями научно-технического развития.

На рис. 1 и 2 дана структура ВВП России по секторам (транзакционный, обрабатывающий и сырьевой³) и по расходам (валовое потребление, накопление, государственные расходы и чистый экспорт).

Как видим из представленных рис. 1, 2, транзакционный сектор доминировал по доле в ВВП, а также по вкладу в темп роста. Сырьевой и обрабатывающий секторы сравнялись по доле к 2018 г., ранее доминировала обработка по доле в ВВП РФ. Далее до 2023 г. эти доли были примерно равны — около 20%, но с небольшим превышением в пользу сырьевого сектора (рис. 1). Доля еще не означает доминирования по вкладу в темп роста — важна динамика сектора. За явным преимуществом вклад в темп роста транзакционного сектора является очевидным и наибольшим.

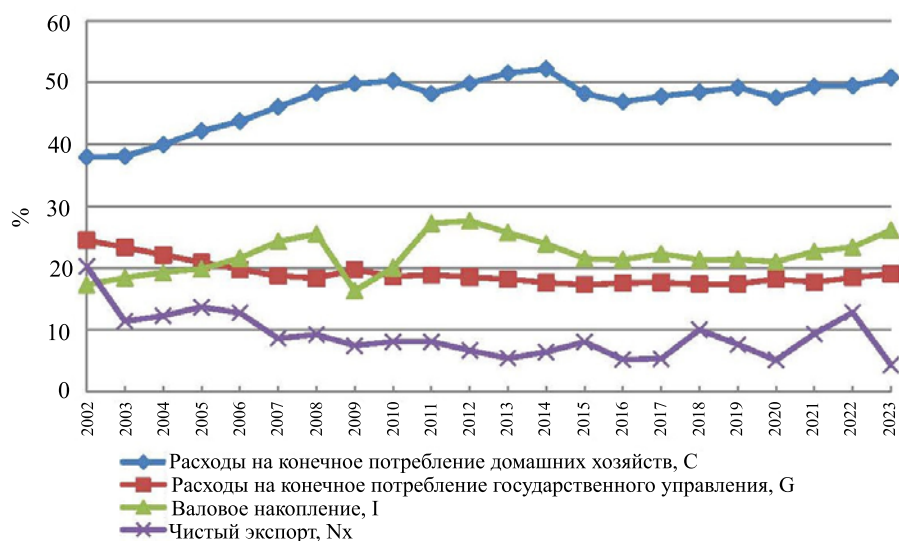
---

³ Три сектора образуют ВВП России. Сырьевой сектор — сельское, лесное хозяйство, охота; рыболовство и рыбоводство; добыча полезных ископаемых; обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха; водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений. Обрабатывающий сектор — обрабатывающие производства; строительство. Транзакционный сектор — торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов; транспортировка и хранение; деятельность гостиниц и предприятий общественного питания; деятельность в области информации и связи; деятельность финансовая и страховая; деятельность по операциям с недвижимым имуществом; деятельность профессиональная, научная и техническая; деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги; государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение; образование; деятельность в области здравоохранения и социальных услуг; деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений; предоставление прочих видов услуг. Источник по России: данные Росстата, <https://www.gks.ru/accounts>

Рис. 1. Структура ВВП России по секторам, 2004–2023 гг.

Источник: расчет автора по данным Росстата, http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#, 2003–2011 гг. в ценах 2008 г., 2012–2022 гг. в ценах 2016 г., 2023 г. в ценах 2021 г.

Рис. 2. Структура ВВП России по расходам, 2002–2023 гг.

Источник: расчет автора по данным Росстата, http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#

Затем по вкладу располагается обработка и сырьевой сектор. Преобладание в ВВП валового потребления также обеспечивает наибольший вклад этой компоненты ВВП в темп роста. На втором месте по вкладу – инвестиционные расходы, затем чистый экспорт и на последнем месте – государственное потребление в рассматриваемый период времени (рис. 2). Причем если по доле инвестиции преобладают над государственным потреблением, то вклад год от года изменяется и относительно государственного потребления тоже, так как динамика инвестиций существенно изменяется. Анализ подтверждает, что кардинальных изменений в структуре ВВП и ее динамике на всем почти четвертьвековом

интервале не произошло. Поэтому можно констатировать отсутствие структурной трансформации российской экономики с позиций применяемых базовых критериев оценки структуры создаваемого продукта.

Рост инвестиций в финансовые активы относительно инвестирования нефинансовых активов закономерно отражал сложившуюся секторальную структуру (см. рис. 1), с явным сжатием позиций обрабатывающего сектора, даже в 2022 г. относительно 2020 г., и показан в ценах 2005 г. на рис. 3.

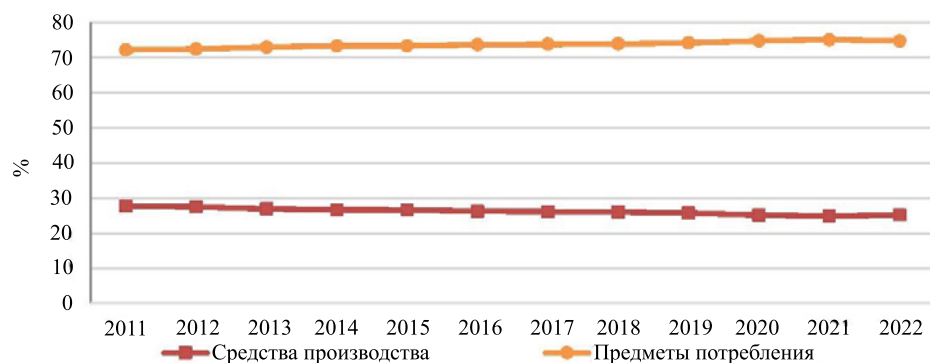
Рис. 3. Инвестиции в финансовые и нефинансовые активы, 2000–2023 гг., млрд руб. в ценах 2005 г.

Источник: рассчитано автором по данным Росстат, https://www.gks.ru/investment_nonfinancial, <https://www.gks.ru/folder/14476>; [https://www.gks.ru/storage/mediabank/tab1\(2\).htm](https://www.gks.ru/storage/mediabank/tab1(2).htm)

Разрыв в динамике инвестиций и ориентации инвестиционного процесса очевиден. Не говоря уже о том, что ранее автором был установлен «инвестиционный тоннель» развития российской экономики, обнаруживаемый по показателям, характеризующим инвестиции в основной капитал промышленности и его же на одного занятого для экономики России в целом⁴.

Сегодня в экономике России на сектор средств производства приходится примерно 30% ВВП, предметов потребления – 70% (рис. 4). Понятно, что такое превосходство предметов потребления, даже при имеющейся разнице в темпе роста каждого сектора, все равно обеспечивает наибольший вклад в общий темп роста ВВП сектора предметов потребления. Обратим внимание, что в рассмотренном интервале времени соотношение практически не изменяется, хотя есть небольшое увеличение сектора предметов потребления и понижение в структуре ВВП сектора средств производства.

⁴ Подробнее см.: Сухарев О.С. «Инвестиционный тоннель» российской экономики и необходимость выхода из него // Общество и экономика. 2022. № 2. С. 12–30. Этот тоннель был установлен на интервале 2008–2020 гг., но он продолжился и до 2022 г. включительно. Только существенный рост инвестиций в 2023 г., видимо, позволил выйти из этого интервала, характеризующего длительную стагнацию в области инвестиций в России.

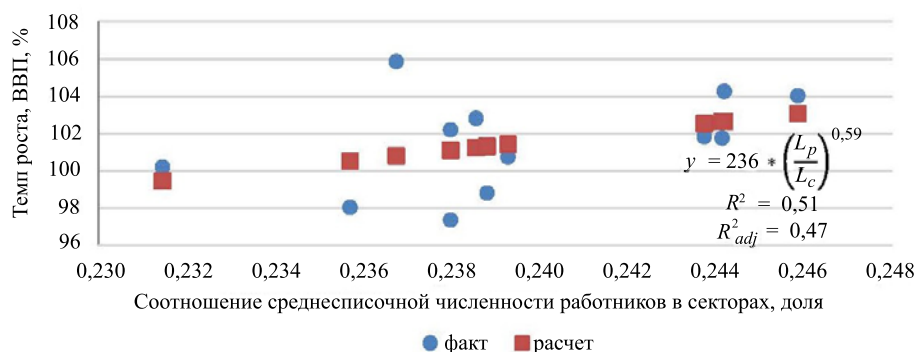

Рис. 4. Доля сектора средств производства и предметов потребления⁷ в ВВП России, 2011–2022 гг., %

Источник⁸: расчет автора по данным Росстата, http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#, в ценах 2016 г.

Именно эта структура экономики является базовой, так как средства производства создают основу развития и возможность создания предметов потребления. По темпу роста сектор предметов потребления обгонял сектор средств производства, за исключением 2022 г. Добавленная стоимость в обоих секторах возрастала в среднем при сокращении занятых (среднесписочной численности работников). Темп роста ВВП России от соотношения среднесписочной численности работников двух секторов отражает рис. 5. Он показывает изменение темпа роста от структуры персонала, занятого в экономических секторах. Видно, что темп роста российской экономики в какой-то степени зависел от изменения структуры занятости в секторах. Причем важно то, с какой скоростью понижалась занятость в одном секторе и сокращалась или увеличивалась в другом (это влияет на соотношение).

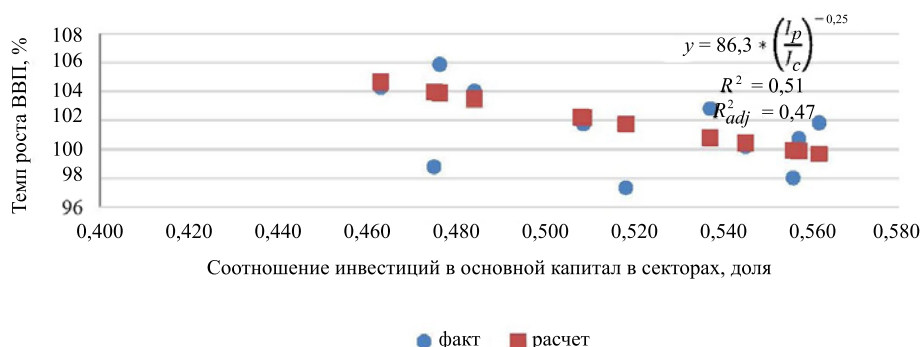
Рисунок 6 отражает иную структуру и ее влияние на экономическую динамику (темп роста) — структуру инвестиций в основной капитал секторов. Увеличение

Рис. 5. Темп роста ВВП России от структуры занятого персонала в секторах средств производства и предметов потребления (L_p/L_c)⁹, 2011–2022 гг.

Источник: Росстат, <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>; ЕМИСС, <https://www.fedstat.ru/indicator/57848>.

инвестиций в основной капитала сектора средств производства и понижение их в секторе предметов потребления тормозит экономический рост (темп понижается). График не отражает причинно-следственной связи, но устанавливает соотношение динамики, когда определенным образом изменяются инвестиции и понижается темп роста. Когда инвестиции в сектор предметов потребления росли вместе с инвестициями в сектор средств производства, но темпом более высоким, наблюдалось увеличение общего темпа роста ВВП России, как в 2019 и 2021 г. Представленные графики и проведенный их анализ подтверждают, что изменение структуры может весьма релевантно влиять на динамику общего показателя (темпа роста ВВП). Причем разные структурные соотношения, видимо, будут влиять по-разному и установление такого влияния представляет нерешенную задачу теории и практики экономической политики.

Рис. 6. Темп роста ВВП от соотношения инвестиций в основной капитал в секторах средств производства и предметов потребления (I_p/I_c) в России, 2011–2022 гг.

Источник: рассчитано автором, Росстат <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>, ЕМИСС: <https://www.fedstat.ru/indicator/57848>.

В Советском Союзе пропорция секторов средств производства и предметов потребления была обратная, что создавало возможности развития потребительского сектора на базе созданных и обновляемых машин и оборудования, включая и совершенствование самих средств производства. При обратном соотношении этих секторов, по всей видимости, возможности новой индустриализации будут существенно ограничены, как и поддержания высокого темпа экономического роста на относительно длинном интервале времени.

Следовательно, если и вести речь о трансформации, то она должна быть сведена не просто к достижению технологического суверенитета, который обнаруживается уже по ряду технологических направлений, а к изменению размеров указанных секторов. Средства производства задают возможности будущего роста, и их следует создавать на отечественной комплектующей, инфраструктурной и технологической базе, чтобы сам рост и дальнейшие изменения экономической структуры не зависели от внешних решений.

Проведенный регрессионный анализ по секторам показал, что даже при отрицательном темпе роста сектора предметов потребления инфляция довольно высока до 10–12%, при увеличении темпа до 2–3% она понижалась до 5–6%, при дальнейшем росте этого сектора инфляция возрастала до 7–8%. Сектор средств

производства вносил в инфляцию весьма ощутимую лепту. При отрицательном темпе роста его сопровождала инфляция от 5 до 12%, при положительном темпе роста до 2% инфляция не превышала 5–6%, но при его росте свыше 3% наблюдалась инфляция более 10%⁵. Соотношение темпов роста секторов было примерно таким, что на 3% роста предметов потребления сектор средств производства рос около 2%. При снижении темпа роста сектора предметов потребления инфляция ускорялась, при повышении — снижалась до 3% темпа роста и предметов потребления и далее опять ускорялась. Сектор средств производства практически на всем положительном отрезке темпа роста обеспечивал повышение цен. В этом имелось важное отличие секторов по их влиянию на динамику цен. Поэтому, проводя политику наращивания инвестиций, всегда нужно иметь в виду инфляционные последствия от изменения структуры двух секторов, с вытекающим воздействием на темп роста. Даже когда структура не изменялась (немного вырос сектор предметов потребления и понизился сектор средств производства в ВВП на данном интервале времени), влияние на темп роста существенное. А если будет трансформироваться структура, то это влияние станет еще более значимым, чего нельзя не учитывать на практике, если имеется цель правильно обосновать применение инструментов экономической политики.

Более того, соотношение элементов национального богатства по трем базовым его компонентам в России примерно следующее: 20% человеческий капитал, 65% природно-ресурсный капитал и 15% физический капитал. Развитые страны имеют прямо противоположное соотношение — 65% человеческий капитал, 20% физический и 15% природно-ресурсный [1, 2].

Нужно ли России изменить указанные соотношения и возможно ли? А если нет, то каким образом использовать преимущества, которые предоставляет для развития сформировавшаяся структура национального богатства. Кроме того, нужно ли трансформировать структуру затрат, которая очень показательна для России? Так, около 70% затрат приходится на материальную часть, до 30% на заработную плату. Развитые страны имеют почти обратную пропорцию. Требуется ли ее менять и каким образом? Каким должен быть механизм изменения, чтобы изобильные ресурсы стали дешевыми и давали в этой структуре меньшую долю, а труд стал более дорогим с соответствующей долей затрат на него. Уже многие годы труд продолжает оставаться недооцененным вне связи с его квалификацией, наращивать которую становится при таких структурных соотношениях все сложнее⁶.

Приходится с сожалением констатировать, что в России на уровне макроэкономического управления даже не ставится структурных целей и задач развития, как и не предлагается соответствующих решений, касающихся именно трансформации базовой структуры. Неявно полагают, что сумма воздействий по многим направлениям и элементам структуры даст ее общую модификацию, но вопрос, ускорит ли это рост — остается без ответа. Предлагаемые паллиативы и работы по этой тематике обычно сводятся к констатации уже применяемых

⁵ С целью экономии места мы не приводим регрессионного аппарата и полученных в ходе исследования графиков.

⁶ Данное явление отмечал еще в начале 2000-х годов академик Дмитрий Семенович Львов. См.: Экономика развития. М.: Экзамен, 2002. 512 с.

правительственных мер — значение программ, целеполагания, национальных проектов, платформ и т.д. Отсутствие критического анализа, а также оценки результативности, как и содержательного понимания процесса структурной трансформации, зачастую являются причиной ошибочной расстановки акцентов и не допускают сущностных изменений.

Сведение процесса структурных изменений к приватизации либо судебной реформе, налоговым изменениям и прочему институциональному регулированию бизнеса, хотя и влияет тем или иным образом на экономические структуры (правила собственности — владения и т.д.), но могут совсем не влиять на базисные структурные пропорции, о которых велась речь выше — на секторы средств производства и предметов потребления. А именно эта структура будет определять возможности роста, поскольку даже транзакционные виды деятельности нуждаются в оборудовании, фондах и средствах производства, от которых зависит их эффективность. Более того, технологическая структура может быть ригидной к таким воздействиям, если не ставится структурных целей, задач и не подбираются «сильные решения», касающиеся замены средств производства и технологий. Иными словами, поверхностная коррекция, направленная на изменение структуры, слабо влияет на сформировавшуюся пропорцию и качественные связи. В таком случае никакой структурной трансформации не происходит, а наблюдается некая модель структурной адаптации и коррекции со слабо прогнозируемыми перспективами и влиянием на динамику ВВП.

Базисные положения теории структурной динамики, сформулированные автором в работе [11], позволяют раскрыть связь между динамикой и долей элемента в структуре, его вклада в общую динамику всей системы. Это позволяет типизировать экономики по типу структурной динамики, встраивая в анализ и технологическую структуру с ее влиянием на релевантные показатели макроэкономического развития, в частности ВВП.

На основе этой теории структурной динамики дается оценка процесса структурной трансформации российской экономики, с учетом сформировавшихся связей и с постановкой задач, требующих решения и связанных с подлинным содержанием структурного изменения. Например, это касается наращивания валовых инвестиций и увеличения нормы накопления в ВВП, что повысит влияние инвестиций на динамику ВВП и будущий экономический рост. Именно такой ракурс рассмотрения роста и структурной трансформации позволяет более адекватно сформулировать цели, задачи и главное — макроэкономические решения для их достижения, имеющие долгосрочный горизонт планирования и реализации. Это подчеркивает симбиоз теории структурной динамики со структурной и макроэкономической политикой роста экономики, т.е. с подготовкой практических действий.

---

⁷ Агрегирование секторов выполнено в работе: Сухарев О.С. Ворончихина Е.Н. Макроструктурный анализ динамики двухсекторной экономики // Финансы: теория и практика. 2024; 28(4):203–217.

⁸ Состав секторов и рисунок взят из статьи: Сухарев О.С., Ворончихина Е.Н. Макроструктурный анализ динамики двухсекторной экономики. Финансы: теория и практика. 2024; 28(4):203–217.

⁹ Статистики модели: F-критерий = 3,4; D-W-расчет. = 1,7 € [1,33; 2,67]; тест Уайта: χ^2 -расчет. = 1,15; χ^2 крит. = 3,84.

¹⁰ Статистики модели: F-критерий = 10,0; D-W-расчет. = 1,47 € [1,33; 2,67]; тест Уайта: χ^2 -расчет. = 1,43; χ^2 крит. = 3,84.

Экономическая структура представляет собой базу для устойчивого долгосрочного развития, обеспечивает его потенциал. Конъюнктурные оценки и решения, подстраивающиеся под заведомо суженные возможности, не являются методом обеспечения трансформации экономики по телеологическому вектору, потому что по генетическому вектору структурная трансформация может происходить благодаря уже сложившимся пропорциям и реализуемым решениям, которые не в состоянии изменить их количественные, как и качественные связи между элементами системы.

2. Экономический рост России и задачи хозяйственной трансформации

Теперь покажем влияние финансовых и нефинансовых инвестиций на ВВП России. Наилучшая из подбираемых моделей отражена на рис. 7.

На величину ВВП, как видим, финансовые инвестиции оказывали существенно меньшее влияние, нежели нефинансовые инвестиции. Однако на динамику валового продукта влияние было по существу обратным, т.е. финансовый сектор тормозил экономический рост. Это легко продемонстрировать нижеследующими графиками – моделями связи темпа роста ВВП России и институционального смещения финансового рынка $\gamma_0 = F / (S - N)$, где F – финансовые инвестиции, N – нефинансовые инвестиции¹¹, S – валовые сбережения¹².

Как видно на рис. 8 и 9, темп роста экономики России понижался при росте институционального смещения финансового сектора (γ_0), а на его рост (судя по рис. 9) оказывали самое существенное влияние финансовые инвестиции. Таким образом, финансовый сектор явно тормозил экономический рост. Однако его доминантное положение не элиминировало политики понижения инфляции – динамика цен также понижалась, вместе с темпом роста на рассмотренном отрезке времени¹⁵.

¹¹ Финансовые вложения – инвестиции организации в государственные и муниципальные ценные бумаги, ценные бумаги других организаций, в том числе долговые ценные бумаги, в которых дата и стоимость погашения определена (облигации, векселя); вклады в уставные (складочные) капиталы других организаций (в том числе дочерних и зависимых хозяйственных обществ); предоставленные другим организациям займы, депозитные вклады в кредитных организациях, дебиторская задолженность, приобретенная на основании уступки права требования, вклады организации-товарища по договору простого товарищества и пр.

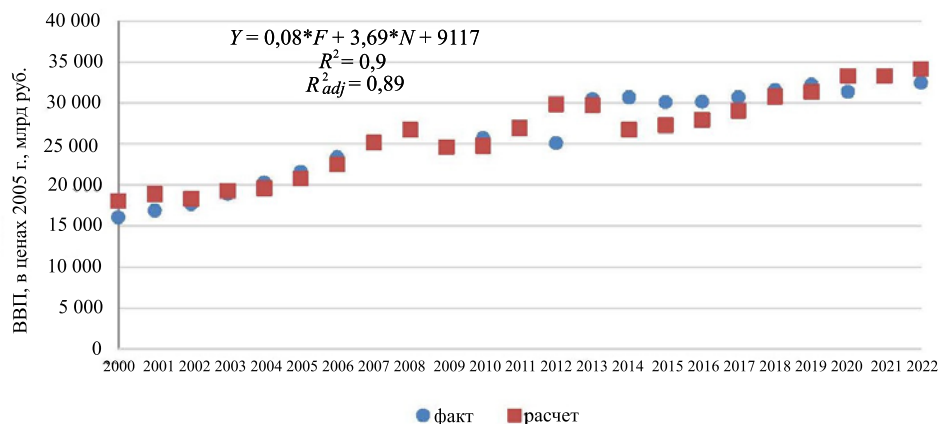
Источник: Росстат <https://www.gks.ru/folder/14476>. Нефинансовые инвестиции – валовое накопление – включает валовое накопление основного капитала, изменение запасов материальных оборотных средств и чистое приобретение ценностей. Источник: Росстат, <https://www.gks.ru/accounts>. Показатели в ценах 2005 г.

¹² При этом, отметим, что для российской экономики понижение процентной ставки за рассматриваемый период сопровождалось повышением институционального смещения финансового рынка (γ_0), величины сбережения S , финансовых и нефинансовых инвестиций. Инвестиции в нефинансовые активы увеличились примерно чуть более чем в 2 раза. Инвестиции в финансовые активы возросли почти в 8 раз. Это существенный перекося в структуре инвестиций. Если измерять величины в ценах 2005 г., то инвестиции в нефинансовые активы, как показывают наши расчеты, в среднем возросли с 2,2 до около 5 трлн руб., в финансовые активы – с примерно 8–10 до 80 трлн руб. Величина γ_0 возросла с примерно 2 до 25.

¹³ Основные статистики модели: F -критерий = 87,9; D - W -расчет. = 1,68 € [1,54; 2,46]; тест Уайта: χ^2 -расчет. = 5,68; χ^2 крит. = 5,99.

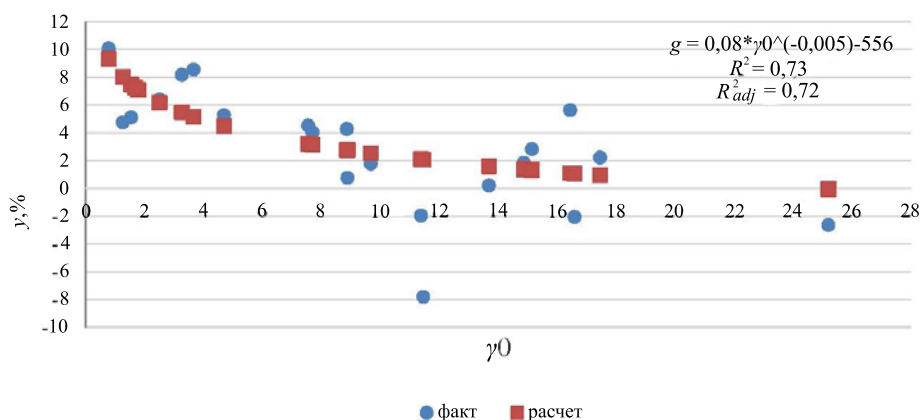
¹⁴ Статистики модели: F -критерий = 32,8; D - W -расчет. = 2,07 € [1,43; 2,57]; тест Уайта: χ^2 -расчет. = 3,80; χ^2 крит. = 3,84.

¹⁵ Была получена зависимость ИПЦ (инфляции – p) от институционального смещения (γ_0), принимающая вид: $p = 18,8 * \gamma_0^{-0,25}$, $R^2 = 0,66$, $R^2_{adj} = 0,66$ с исключением автокорреляции и гетероскедастичности.

Рис. 7. ВВП России, финансовые и нефинансовые инвестиции, в ценах 2005 г., млрд руб., 2000–2022 гг.¹³

Источник: рассчитано автором по данным Росстат, https://www.gks.ru/investment_nonfinancial, <https://www.gks.ru/folder/14476>; [https://www.gks.ru/storage/mediabank/tab1\(2\).htm](https://www.gks.ru/storage/mediabank/tab1(2).htm).

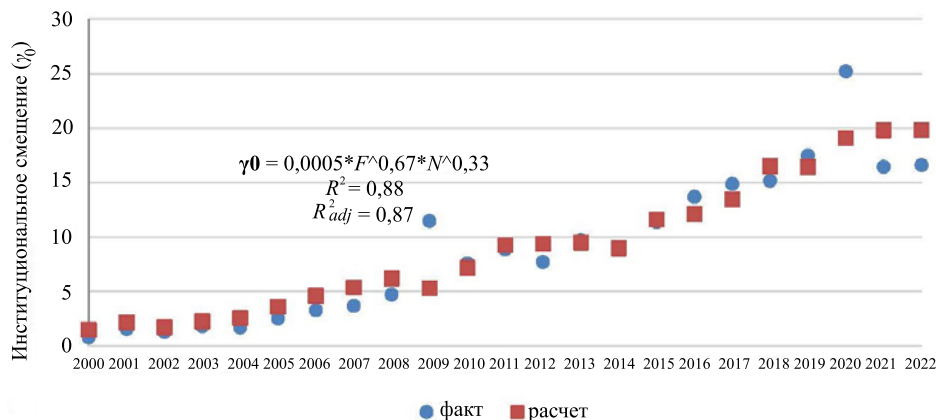

Рис. 8. Темп роста ВВП России от институционального смещения (γ_0), 2000–2022 гг.¹⁴

Источник: рассчитано автором на основе данных Росстат, https://www.gks.ru/investment_nonfinancial, <https://www.gks.ru/folder/14476>; [https://www.gks.ru/storage/mediabank/tab1\(2\).htm](https://www.gks.ru/storage/mediabank/tab1(2).htm).

Постановка целей и задач развития экономики России предопределяет использование инструментов, т. е. подготовку конкретных решений. Формальное отношение к постановке целей недопустимо, так как, ставя цель высокого темпа роста, можно не принять во внимание, что хозяйственная структура не в состоянии расти таким темпом, а инфляция может как тормозить рост, так и способствовать ему. Более того, высокая инфляция может сопровождать экономический рост, как это было в 2000–2008 гг. В таком случае, направленные действия по ее торможению способны свернуть и динамику роста, если она сопровождается сложившейся и относительно высокой динамикой цен.

¹⁶ Статистики модели: F -критерий = 69,25; D - W -расчет. = 1,96 € [1,54; 2,46]; тест Уайта: χ^2 -расчет. = 5,56; χ^2 крит. = 5,99.

Рис. 9. Институциональное смещение (γ_0) от инвестиций в финансовые и нефинансовые активы (инвестиции в ценах 2005 г., млрд руб.), 2000–2022 гг.¹⁶

Источник: рассчитано автором на основе данных Росстат, https://www.gks.ru/investment_nonfinancial, <https://www.gks.ru/folder/14476>; [https://www.gks.ru/storage/mediabank/tab1\(2\).htm](https://www.gks.ru/storage/mediabank/tab1(2).htm).

Проведенный выше анализ приводит к следующим важным выводам.

Во-первых, финансовый сектор и финансовые инвестиции тормозили экономический рост в России, а сложившаяся хозяйственная структура функционировала с явным перекосом в сторону указанного сектора. Таргетирование само по себе действовало на экономическую структуру в сторону ее трансформации, но такой, чтобы довели финансовые виды деятельности и инвестиции, так как инструменты, применяемые для достижения таргета, этому способствовали [10].

Во-вторых, подлинное содержание трансформации для роста экономики сводится к выстраиванию пропорции между секторами средств производства и предметов потребления, причем первый сектор весьма ощутимо вносит вклад в динамику цен, что при рестриктивной монетарной политике явно тормозит возможности развития сектора средств производства, технологическое обновление и рост на этой основе. Национальные проекты, к сожалению, не отражают структурных целей и задач развития, обостряя проблему распределенного влияния инструментов макроэкономической политики, поскольку они еще по-разному действуют и на структуру проектов – инвестиций (бюджетных и частных) по приоритетным направлениям. Плана структурных изменений совместно с достижением роста заданного темпа в России, по сути, пока что не существует. И одно из авторских предложений этой статьи состоит в том, чтобы объединить аналитические силы РАН, ведущих вузов и аналитических центров Правительства для формирования такого плана, в который войдут все национальные проекты как его элементы.

Таким образом, перед нами со всей ясностью предстает единство задач теории и практики в рамках назначения экономической науки, ориентированного на получение обоснованных решений в области макроэкономической политики развития страны.

Заключение. Суммируя, обозначим следующие интегральные выводы.

Во-первых, на уровне теории следует активизировать исследования связи экономической динамики, обеспечиваемой сложившейся и изменяемой

экономической структурой, от этой структуры, а также ее целенаправленной трансформации, в том числе и для активизации роста. Здесь стоит увеличить усилия, направляемые на использование положений теории структурной динамики и теории многоуровневой экономики Ю.В. Яременко.

Во-вторых, необходимо планировать структуру экономики на высшем уровне государственного управления, ставя цели ее развития, изменения, проектирования, подчиняя задачу роста развитию тех элементов, которые образуют пропорции и связи, взаимно влияя, обеспечивают динамику обобщенных релевантных показателей макроэкономики. Если ставить цель новой индустриализации экономики России, которую много лет отстаивали С.С. Губанов, В.М. Иванченко, А.С. Нешитой, А.И. Амосов, автор статьи и многие другие¹⁷, то требуется, во-первых, планификация – постановка целей и задач, отраслевая дифференциация планов, с учетом связности производств и отраслей и выделение ресурсов, с развертыванием их в государственном секторе. На этом же этапе необходимы оценки предполагаемых темпов роста, спроса, необходимых капиталовложений и т.д. И только затем, на этапах реализации и развертывания новых производств с подготовкой кадров под них будет сгенерировано влияние на общую динамику ВВП, отличающееся или совпадающее либо превосходящее то, что планировалось¹⁸. В условиях скользящих плановых документов, высоких транзакционных издержек и слабой организации процесса подготовки подобных решений их эффективность, как и связность с обеспечением роста, становится проблематичной, что и подтверждает опыт государственного управления в современной России.

Таким образом, нерешенной можно признать задачу определения связи темпа роста экономики и изменений ее структуры, что имеет не только теоретическое, но и практическое значение при выстраивании отраслевой и макроэкономической политики, проведении политики структурной трансформации, в частности новой индустриализации и т.д. Здесь мы наметили направления ее решения, показали возможности анализа совместной динамики различных элементов структуры, влияющих друг на друга, а также базовый подход к оценке сложившейся и растущей экономической структуры (финансовый–нефинансовый секторы, секторы средств производства и предметов потребления; обработка, сырьевой и транзакционный секторы). Именно эта база определяет, произошли ли структурные изменения или нет, как они влияют на рост и какую модель структурной динамики формируют (по структуре ВВП). Управление структурной трансформацией в России предполагает постановку обоснованных задач, без решения которых обеспечить влияние изменяющейся структуры на рост будет проблематично. Именно выявлению аспектов таких задач (обозначены выше) и посвящено настоящее исследование.

Перспективу исследования составляет дальнейшее развитие принципа «распределенного управления»¹⁹ на уровне формирования макроэкономической

¹⁷ Дискуссию и постановку задачи осуществил журнал «Экономист» примерно в 2007–2009 гг. постановкой вопроса «О формуле развития России».

¹⁸ Это тезисное обозначение системного и масштабного аналитического процесса подготовки решений и проведения политики структурной трансформации за счет реиндустриализации.

¹⁹ Подробнее см.: Сухарев О.С. Распределенное управление как расширение принципа «цели–инструменты» экономической политики // Управленческие науки. 2021. № 11 (1). С. 6–19.

политики. Инструменты политики с разной силой влияют на темп роста, инфляцию и структуру экономики, модификация которой задает возможность роста и динамики цен. Накопительный эффект действия инструмента политики по каждой цели работает либо на ослабление влияния инструмента (отрицательный), либо на увеличение влияния и продвижение к цели (положительный). Однако современная теория экономической политики не учитывает данных обстоятельств, что и является причиной отсутствия связности политики структурной трансформации и роста. В данной статье мы наметили основные направления решения этой непростой, но важной для теории и практики проблемы.

Благодарность

Автор благодарит к.э.н. доц. Екатерину Николаевну Ворончихину за помощь в подготовке и обработке данных, построении графиков.

Литература

1. *Абалкин Л.И.* К самопознанию России. М.: ИЭ РАН, 1995. 204 с.
2. *Абалкин Л.И.* Россия: поиск самоопределения. Очерки. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2005. 463 с.
3. *Аганбегян А.Г.* Три главных социально-экономических вызова, стоящих перед Россией, и 15 ответных шагов // Экономические стратегии, 2023. Т. 25. № 1. С. 6–15.
4. *Аганбегян А.Г.* Об экономических уроках перестройки // Экономика и математические методы, 1990. Т. 26. № 1. С. 70–81.
5. *Глазьев С.Ю.* Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: Владар, 1993. 310 с.
6. *Клейнер Г.Б.* Эволюция институциональных систем. М.: Наука, 2004. 240 с.
7. *Лукас Р.* Лекции по экономическому росту. М.: Издательство Института Е.Т. Гайдара, 2013. 288 с.
8. *Миккульский К.И.* Россия в поисках модели экономического роста // Общество и экономика. 2017. № 3–4. С. 5–15.
9. *Спенс М.* Следующая конвергенция. Будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях. М.: Издательство Института Е.Т. Гайдара, 2013. 336 с.
10. *Сухарев О.С.* Макроэкономическая политика: неравенство, бедность и рост. М.: Ленанд, 2023. 240 с.
11. *Сухарев О.С.* Теория структурной динамики экономики. М.: Ленанд, 2020. 200 с.
12. *Хеллман Э.* Загадка экономического роста. М.: Издательство Института Е.Т. Гайдара, 2011. 240 с.
13. *Ходжсон Дж.* Экономическая теория и институты. М.: Дело, 2003. 464 с.
14. *Шумпетер Й.А.* Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2007. 864 с.
15. *Aghion P., Akcigit U., Howitt P.* Lessons from Schumpeterian Growth Theory. The American Economic Review. Vol. 105, No. 5. 2015. P. 94–99.
16. *Aghion P., Ufuk A., Howitt P.* The Schumpeterian Growth Paradigm // Annual Review of Economics. Vol. 7. 2015. P. 557–575.
17. *Brancaccio E., Garbellini N., Giammetti R.* Structural labour market reforms, GDP growth and the functional distribution of income // Structural Change and Economic Dynamics. Vol. 44. 2018. P. 34–45.
18. *Castellacci F.* A Neo-Schumpeterian Approach to Why Growth Rates Differ. Revue économique. Vol. 55, No. 6. 2004. P. 1145–1169.
19. *Chu L.K.* Financial structure and economic growth nexus revisited. Borsa Istanbul Review. Vol. 20. Issue 1. 2020. P. 24–36.
20. *Gabardo F.A., Pereima J.B., Einloft P.* The incorporation of structural change into growth theory: A historical appraisal. Economia, Vol. 18, Issue 3, 2017. P. 392–410.

21. *Gil P.M., Afonso O., Brito P.* Economic growth, the high-tech sector, and the high skilled: Theory and quantitative implications. *Structural Change and Economic Dynamics*. Vol. 51. 2019. P. 89–105.
22. *Oikawa K., Ueda K.* The optimal inflation rate under Schumpeterian growth. *Journal of Monetary Economics*, Vol. 100, 2018. P. 114–125.
23. *Robert V., Yoguel G.* Complexity paths in neo-Schumpeterian evolutionary economics, structural change and development policies. *Structural Change and Economic Dynamics*. Vol. 38. 2016. P. 3–14.
24. *Romano L., Traù F.* The nature of industrial development and the speed of structural change // *Structural Change and Economic Dynamics*. Vol. 42. 2017. P. 26–37.
25. *Vu K.M.* Structural change and economic growth: Empirical evidence and policy insights from Asian economies. *Structural Change and Economic Dynamics*. Vol. 41. 2017. P. 64–77.

Oleg Sukharev (e-mail: o_sukharev@list.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Professor, Chief researcher,

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (RAS)

(Moscow, Russian Federation);

Professor of the Department of Theory and Methodology of State and Municipal Administration,

Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University M.V. Lomonosov

(Moscow, Russian Federation)

ECONOMIC GROWTH AND STRUCTURAL TRANSFORMATION: UNRESOLVED PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

The paper considers the problem of organizing a new model of economic growth in Russia with an assessment of structural transformation. Economic growth in 2023–2024 showed an increase in the contribution to the dynamics of the investment expenditure component, which creates a good prerequisite for changing the model of structural dynamics of GDP growth. At the same time, the economic structure is subject to minor transformation, or there is none. The issue of the relationship between the growth rate and structural changes can be considered unresolved either in theory or in practice. **The purpose of the study** is to conduct a structural analysis of economic growth in Russia in the period 2000–2023 with the identification of basic changes in the structure of sectors, GDP components, in order to update unresolved problems of theoretical and applied purpose and outline an approach to their resolution within the framework of the relationship between growth and structure. **The methodology of the study** is based on the modern theory of economic growth and structural dynamics, elements of structural, regression and empirical analysis. The information base of the article is Rosstat data. **The result of the work** can be considered the provisions confirmed during the analysis that economic growth in Russia was not determined by structural changes in the economic base – the sectors of means of production and consumer goods, as well as the transaction, manufacturing and raw materials sectors. Growth was slowed down by the dominance of the financial sector, a disproportionate increase in investment in financial assets relative to a similar indicator in non-financial assets. The structural dynamics of GDP also confirms that the investment model of growth emerged only in 2023, since gross accumulation in this year provided the greatest contribution to the growth rate relative to other components of the

gross product. **The general conclusion** is that the conditions for fixing the investment growth model, with the dominance of the transaction sector and the compressed development of the means of production, with the implementation of a rigid monetary policy – may not be preserved, may not develop, since there are no planned measures for structural policy that are designed to influence the established proportions and dynamics of the elements of the system. These aspects should form the prospect for planning and solving unresolved state problems.

Keywords: economic growth, economic transformation, structure, means of production, consumer goods, financial sector.

DOI: 10.31857/S0207367625010014